

организаторские способности, повергшие заговорщиков в ужас. 29 августа, после полудня, Париж казался точно вымершим, точно охваченным каким-то мрачным ужасом. Жителям было запрещено выходить из дома после шести часов вечера; с наступлением темноты все улицы были заняты патрулями, по 60 человек каждый, вооруженных саблями и всякого рода самодельными пиками. Около часа ночи во всем Париже начались обыски. Патрули ходили по квартирам, искали оружие и отбирали его, когда находили у роялистов.

Всего было арестовано около 3 тыс. человек и захвачено около 2 тыс. ружей. Некоторые обыски продолжались целые часы, но ни у кого не пропало ни одной ценной безделушки, тогда как у евдистов - священников, отказавшихся принести присягу конституции, были найдены все серебряные вещи, пропавшие незадолго перед тем из Святой часовни; они оказались спрятанными в колодцах.

На другой день большинство арестованных было отпущено на волю по распоряжению Коммуны или по требованию секций. Что же касается остальных, то, вероятно, и среди них была бы сделана известного рода сортировка и часть из них была бы предана упрощенным судам, если бы события как на театре войны, так и в самом Париже не последовали быстро одно за другим.

В то самое время, когда по энергическому призыву Коммуны весь Париж вооружался и на всех площадях возвышались алтари отечества, около которых молодежь записывалась в волонтеры и куда граждане и гражданки, богатые и бедные, приносили свои пожертвования; в то самое время, когда секции и их Коммуна проявляли поистине необычайную энергию, чтобы обмундировать и вооружить 60 тыс. добровольцев, отправлявшихся на границу, тогда как ничего, ровно ничего не было для этого приспособлено, и секции все-таки успевали отправлять каждый день по 2 тыс. человек, - именно этот момент избрало Собрание, чтобы разнести Коммуну. Выслушав доклад жирондиста Гюаде, оно издало 30 августа декрет, предписывавший немедленное распускание Генерального совета Коммуны и производство новых выборов!

Если бы Коммуна подчинилась, то этим сразу была бы утрачена к вящей выгоде роялистов и их союзников - пруссаков и австрийцев - единственная возможность спасения, т. е. возможность отразить неприятеля и побороть королевскую власть. Понятно, стало быть, что Совет Коммуны ответил на эту меру отказом от повиновения Собранию, объявил изменниками тех, кто провел эту меру, и распорядился произвести обыски у министров Ролана и Бриссо. Марат прямо требовал избиения изменников-законодателей.

Как на грех, в тот же день уголовный суд оправдал одного из главных заговорщиков королевской партии, министра Монморена, несмотря на то, что за несколько дней перед тем процесс д'Ангремона показал, что хорошо оплаченные роялистские заговорщики были аккуратно занесены в списки, организованы в бригады, подчинены одному центральному комитету и только ждали сигнала, чтобы выйти на улицу и напасть на патриотов в Париже и в провинциальных городах.

На другой день, 1 сентября, - новое открытие. В официальной газете «Moniteur'e» напечатан был «План соединенных против Франции сил», полученный, по словам газеты, из Германии из верных источников. Из этого плана выяснилось, что пока герцог Брауншвейгский будет задерживать войска патриотов в восточной Франции, прусский король должен двинуться прямо на Париж, овладеть им и тогда рассортировать жителей и подвергнуть казни революционеров. В случае если бы в городах на пути к Парижу сила оказалась на стороне патриотов, предполагалось поджигать города. «Лучше пустыни, чем восставшие народы», - заявили объединенные короли. И как бы в подтверждение этого плана Гюаде сообщил в этот же день Собранию об обширном заговоре, открытом в Гренобле и его окрестностях. У некоего Монье, агента эмигрантов, был найден список больше чем 100 местных главварей заговора, рассчитывавших на поддержку 25 или 30 тыс. человек. В департаментах Де-Севр и Морбигане, тотчас же как получилось известие о сдаче Лонгви, вспыхнуло уже крестьянское восстание: это также входило в план роялистов и папского правительства в Риме, действовавшего с ними заодно.

В тот же день, после полудня, узнали, что неприятель осаждает Верден, и все сразу поняли, что и этот город сдастся, так же как Лонгви; что тогда ничто больше не сможет помешать быстрому движению пруссаков на Париж и что Собрание или покинет столицу, отдавая ее во власть торжествующего врага, или вступит в переговоры, чтобы вернуть королю трон, и предоставит ему полную свободу истреблять патриотов для удовлетворения своей жажды мести¹.

---

¹ Верден — в 250 верстах от Парижа.